

66th IFLA Council and General Conference

August 13-18, 2000

Code Number: 107-152-R
Division Number: III
Professional Group: Libraries for Children and Young Adults
Joint Meeting with: -
Meeting Number: 152
Simultaneous Interpretation: No

Еврейская традиция в детской литературе России

Ольга Мязотс (*Olga Maeots*)
Россия

Когда мне предложили написать о еврейской традиции в детской литературе России, я поначалу не знала, что ответить. С одной стороны - среди известных русских детских писателей добрая половина - евреи: Самуил Маршак, определивший в значительной степени характер детской русской литературы XX века, воспитавший не одно поколение молодых авторов; замечательные поэты - Яков Аким, Генрих Сапгир, Виктор Лунин, Юнна Мориц; писатели - Виктор Драгунский, Анатолий Алексин - одно перечисление заняло бы, наверное, все отведенное мне время. Наша литература вообще многонациональна, в ее создании приняли участие десятки писателей самых разных национальностей - армяне, белорусы, калмыки, украинцы. Они воспринимали традиции классической русской литературы, учились на них, но и несли в дар общему делу особый колорит своих культур. Бесценный вклад! И мне не хотелось бы заниматься вылавливанием в едином литературном потоке отдельных национальных мотивов.

Тогда я попыталась подойти к проблеме с другой стороны. Говорят, язык - родина писателя. Языка - магический кристалл любой национальной культуры. Известно, что наряду с мощной русскоязычной литературой, существовала и существует литература на национальных языках, в том числе, и на еврейском.

Что нам известно о детской литературе на еврейском языке в России? Увы! Оказалось, практически ничего. Книжки сообщали весьма противоречивую информацию, энциклопедии могли подсказать мне лишь ряд имен, библиографические же источники ограничивались статьями 20-30-х гг. А дальше?

Смущало меня и то, что я - не еврейка, и, значит, увы, лишена каких-то важных знаний, которые могла бы усвоить от рождения. В прочем, у нас говорят, что в каждом русском интеллигенте сидит еврей, настолько все перемешалось и переплавилось.

Я бросилась за помощью к моим друзьям: детским писателям, критикам, библиотекарям. Как заправский детектив я искала свидетелей, тех, кто вырос на этой литературе. Вскоре моя записная книжка пополнилась несколькими полезными телефонами. И я приступила к сбору свидетельских показаний.

- Деточка, это была великая литература! - кричала мне в трубку Соня Черняк, работавшая некогда в журнале *Советский Геймланд*, выходившем на идише.

- Евреи всегда заботились о сохранении своих традиций, это нас и спасло. Мы древний народ, те, кто входили в историю вместе с нами - египтяне, шумеры, римляне - где они? А евреи живы, потому что тысячелетия берегли и чтители свои традиции. Как поздно вы позвонили, вам бы поговорить с..., впрочем, теперь, кто умер, а кто уехал, ни осталось никого...

«Ни осталось никого...» - эта печальная фраза возникала почти в каждом разговоре. Мне начинало казаться, что я исследую загадочный материк, что-то вроде Атлантиды, славной своим прошлым, сохранившемся, увы, лишь в легендах.

- Не может быть, что ничего не сохранилось! - упрямо твердила я себе.

Шолом-Алейхем, Лев Квитко, Овсей Дриз - для кого сочиняли они свои удивительные произведения, кто их печатал, кто читал?

Авторы толстых трудов по истории евреев сообщали весьма противоречивые сведения, большая часть которых не совпадала с тем, что рассказывали живые свидетели. Но постепенно из этого бессмысленного информационного хаоса рождалась удивительная мелодия - тот самый еврейский мотив. Я все-таки нашла то, что искала!

Теперь позвольте мне поделиться с вами моими скромными находками.

Начну с общих сведений из истории русского еврейства.

Евреи жили в России на протяжении многих столетий. Как иноверцы и чужаки они всегда были гонимы, их права всегда ограничивались. С особой остротой «еврейский вопрос» звучал в России в 19 веке, когда, после присоединения к России части Польши, численность еврейского населения значительно увеличилась.

Тогда-то и появились дискриминационные законы, ограничивавшие расселение евреев определенными областями - т. наз. «чертой оседлости». Царское правительство проводило политику насильственной ассимиляции. Лишь незначительная часть богатых евреев могла себе позволить выкупить право жить в городах и выбирать «благородные» профессии - врача, юриста, промышленника, купца. Право детей учиться в одних школах с русскими ограничивалось крошечной «процентной нормой». В воспоминаниях Самуила Маршака рассказывается о том, как ему, десятилетнему мальчику, было отказано в поступлении в гимназию, не смотря на то, что он успешно сдал вступительные экзамены. Еврейское население в «черте оседлости» в так наз. «местечках» жило в исключительной нищете и скученности. Единственным доступным образованием для большинства еврейских детей была религиозная начальная школа - хедер.

Необходимо отметить, что дискриминации подвергались в царской России и другие национальные меньшинства, но только в отношении евреев эти притеснения вылились в чудовищную форму «погромов» - физического разорения и уничтожения, инспирированного царским правительством и официальной православной церковью.

Волна варварских «погромов», пронесшаяся по России на рубеже веков вызвала негодование ведущих деятелей русской культуры: писатели - Николай Лесков, Лев Толстой, Максим

Горький, Владимир Короленко, философы - Владимир Соловьев, Николай Бердяев осудили жестокость и выступили с протестом против бесчеловечной политики государства.

Но никакие ограничительные законы не могли остановить развитие еврейской культуры. В 19 веке еврейская литература была двуязычна: сторонники национального возрождения ратовали за иврит, а писатели демократы обращались к идишу - разговорному языку народных масс. В городах развивалась и литература на русском языке.

Первые книги для детей носили дидактический характер. Это были либо учебники, либо переложения религиозных текстов. В середине 19 века появляются первые книги светского содержания. Так в 1849 году вышла первая в России хрестоматия для детей на иврите «Алфавит или воспитание отроков» (Алеф-бет, о Хиннух не'арим), куда вошли также рассказы о детях и сказки в стихах. Главными центрами детского книгоиздания были Варшава, Вильна, Одесса. Выпускались сборники еврейских сказок (серия «Все сказки Израиля» с 1894 г.) и рассказы для детей. Среди детских авторов того времени можно назвать И.Левнера (юмористические рассказы), Ш.Бермана (биографические повести о национальных героях), А.Любошицкий (детские песни). В Вильне в начале века выходила первая детская газета на иврите. Многие взрослые писатели писали и для детей - Хаим Нахман Бялик, С.Бен-Цион, Д.Фришман и др.

Но книги, написанные на иврите, были практически недоступны детям, не знавшим этого языка. Для читающей аудитории родным языком был идиш. В прочем, и книги на идиш, весьма не многочисленные, с трудом пробивали себе дорогу к читателям. Люди с достатком стремились отдавать своих детей в русские школы, т.к. это открывало им возможности будущей карьеры, а школы в местечках, где жила беднота, давали лишь минимум знаний, и детские книги в них не попадали. Безрадостная атмосфера, царившая в этих школах, описана в рассказах Шолом-Алейхема (*Учитель Бойаз, Флажок, Юла*), Льва Квитко (*Лям и Петрик*), в воспоминаниях художника Марка Шагала.

Таким образом, круг бытования еврейской детской литературы до 1917 года был крайне узок, а значение ее в воспитании молодого поколения - невелико.

Однако именно в это время закладывались основы еврейской детской литературы в России, основоположником которой стал Шолом-Алейхем, создавший удивительные яркие образы детей. Мир еврейского ребенка отражен писателем с любовью и пониманием. Маленькие герои Шолом-Алейхема - маленький Шолом, Шмулик, мальчик Мотл и его товарищи, - неистощимые выдумщики, неустойчивые озорники и неукротимые оптимисты. Их жизнь тяжела, с ранних лет они познают нищету и лишения, но никогда не унывают. «Мне хорошо - я сирота!» неизменно приговаривает мальчик Мотл, с честью наравне с взрослыми перенося любые испытания. Во многих рассказах Шолом-Алейхема, написанных о детях или для детей, звучат печальные ноты: трагическая гибнет заезженная клячи водовоза, мальчик, укравший ножик, мучается чувством вины, которое становится причиной тяжелой болезни, злая шутка товарища разрушает радость обладателя красивого праздничного флажка.

Современному читателю может показаться, что маленькие герои Шолом-Алейхема лишены детства, настолько тесно их жизнь связана с миром взрослых, в ней почти нет места сказкам и беспечным забавам, с ранних лет дети помогают старшим. Детская фантазия черпает вдохновение не в волшебных сказках, а в религиозных и мистических верованиях: дети играют в волшебных принцев и фей, но с большим азартом ищут древние клады, оберегаемые от людей страшными заклятиями. (Шмулик) Все дети религиозны, их жизнь, как и жизнь взрослых, строится в соответствии с религиозными нормами, древними традициями и обычаями их народа. Отношения взрослых и детей лишены сентиментальности, родительская ласка явление более редкое, чем шлепки и пощечины - главный метод воспитания. Впрочем, не смотря на тяжелую жизнь, родители неизменно уделяют значительное внимание образованию

детей, цель которого не только научить ребенка грамоте, но и ввести его в мир религиозных знаний и национальных традиций. С одной стороны Шолом-Алейхем рисует без прикрас тяжелую атмосферу, царящую в школах - хедерах, где заправляют малограмотные и жестокие учителя, а обучение основано на зубрежке и порке, с другой он показывает, как велико в еврейской среде уважение к образованию, к книге. Маленького героя рассказа «Ножик» отец упрекает в лени и нерадивости: «Лодырь этакий! Хвор он, книгой заняться? Парнишке восемь лет!»

Шолом-Алейхем сумел отразить многообразие и яркость национального характера, его герои - не забытые нищетой обездоленные, а люди стремящиеся к счастью, отстаивающие свое достоинство. В самые трудные минуты они не падают духом, и твердо уверены, что «все к лучшему». Добрый юмор и тонкая ирония, характерные для произведений Шолом-Алейхема, стали определяющими чертами еврейской литературы.

Падение царизма повлекло резкие изменения в положении евреев. Одним из первых своих декретов Временное правительство отменило любую дискриминацию по религиозному и национальному признаку. Большевики развили эту политику. Евреи, как и другие национальные меньшинства получили широкие права, что способствовало развитию национальной культуры и литературы. Однако, демократическая национальная политика первых послереволюционных лет, сопровождалась жесточайшими гонениями на религию и церковь. Закрывались синагоги и хедеры. Т.о. новая еврейская культура отсекалась от важнейшего источника, питавшего ее на протяжении веков. Культура прошлого объявлялась большевиками «буржуазной» и, значит, «вредной».

Обретение долгожданного равноправия вызвало эйфорию среди евреев. Большинство приветствовали приход большевиков и поддерживали их политику. Устоявший в годы гонений мир патриархального еврейства рухнул под напором борцов за светлое будущее. Молодежь переселялась из местечек в города, уезжала на большие стройки, быстро ассимилировалась.

После Октябрьской революции литература на идиш стала бурно развиваться. Многие молодые писатели шагнули в литературу прямо из окопов гражданской войны (О.Шварцман, Арон Кушницов, Ици Харик, Ицек Фефер), они воспевали происходившие в стране перемены (Давид Гофштейн, Зелик Аксельрод). Да и писатели старшего поколения, «преодолев идейный кризис», как писали критики, продолжали литературную деятельность (Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Дер Нистер). Появилось много новых газет, журналов, альманахов. Многие называют этот период «расцветом еврейской литературы». Поэт Арон Кушницов, боец Красной Армии, так описывал свои ощущения от резких перемен в жизни своего народа: *...Даже в мечтах я не владею страной меда и молока. В моей душе мышиночком скребется мелодия отцов и дедов, но дверь в Шаббат мне закрыта, запечатана звездой.*

В тоже время начинается быстрое вовлечение евреев в общественно-политическую жизнь. Резко увеличивается число еврейских школ (в 1930 г. в еврейских школах училось 160000 учеников), возрастает количество изданий на идише, создаются государственные еврейские театры. Многие восприняли это как подлинное возрождение национальной культуры, как долгожданное избавление от многовекового гнета. В 1934 году в Нью-Йорке вышла книга Леона Деннена «Где кончается гетто», он посетил Советскую Россию и пришел в восторг от условий жизни советских евреев. Автор приводит такие цифры: общий тираж книжных изданий достигал 400000, в стране выходило более 30 журналов и газет на идише.

Большевики объявили своей главной целью создание культуры национальной по форме и социалистической по содержанию. Что это означало? Для литературы, например, это означало существование литературы на национальном языке, но пропагандирующей коммунистические идеалы.

Удивительную историю рассказала мне одна из моих собеседниц - Майя Исаковна Родак. В 1927 году ее родители, преподаватели рижской еврейской гимназии, сознательно переехали в Россию, окрыленные верой в то, что именно в этой стране свершается подлинное возрождение еврейской культуры. Первоначально семья поселилась в Киеве, девочка ходила в еврейский детский сад, затем в еврейскую школу. В то время на Украине существовали и специальные еврейские отделения во многих вузах. Ее папа работал преподавателем еврейского языка в школе и был автором одного из учебников идиша. Моя собеседница вспоминала, что хотя преподавание велось на идише, и даже изучалась еврейская литература и история, содержание учебников мало отличалось от учебников других школ - русских, украинских. И в данном случае выдерживался принцип - образование национальное по форме (языку) и социалистическое по содержанию. Изучались в школе и иностранные языки - русский, украинский, немецкий. Качество образования было намного выше, чем в дореволюционной школе, но чувствовали ли себя ученики таких школ наследниками многовековой культурной традиции своего народа? Не думаю. Вообще дети 20-30-х гг. *все* считали себя советскими, национальным различиям просто не предавалось значение. «А песни вы пели какие?» - настойчиво допытывалась я у Майи Исаковны. «Такие же как и другие дети - про красное знамя, про пионерский галстук». Социалистическое будущее, в котором предстояло жить школьникам 20-30-х, не предполагало национального деления, и дети стремились расти «строителями социализма», радуясь открывавшимся перспективам и не оглядываясь назад. Это называлось интернациональное воспитание и именно оно привело к быстрому упадку национальных школ. Майя Исаковна рассказывала, что когда в 1934 году ее семья переехала в Одессу, там было 17 еврейских школ, а к 1937 году осталась только одна, да и та не пользовалась популярностью, не смотря на высокий уровень преподавания. Майя Исаковна вспомнила, как они с товарищами, уже подростками-комсомольцами, ходили по домам и агитировали родителей отдавать детей в еврейскую школу, а их гнали и говорили: «Вы что нас в гетто хотите загнать?» «Еврейские школы умирали сами собой», - к такому выводу пришла моя собеседница.

Советское правительство поставило перед обществом цель воспитания нового человека - строителя коммунизма. Предполагалось, что в ходе «воспитательной работы» должны быть стерты все национальные различия, коммунистическая начинка должна вытеснить все социальные и национальные наслоения, которые считались ненужными и даже вредными. С этой точки зрения развитие детской литературы на национальных языках, в т.ч. на еврейском, становилось бесперспективным, мешавшим всеобщей унификации. Но пока были живы национальные школы, у еврейской детской литературы были уникальные возможности для развития: тиражи детских книг значительно возросли, а о такой огромной читательской аудитории не мог мечтать ни один дореволюционный писатель.

Многие еврейские писатели внесли свой вклад в развитие детской литературы на идише: И Гутянский, А.Платер, З.Телесина, Ицик Кипнис, Дер Нистер. К сожалению произведения этих авторов почти не переводились на другие языки и теперь полностью забыты. Подлинной известности достигли лишь два писателя - Лев (Лейб) Квитко (1890/93-1952) и Овсей Дриз (1908-1971).

Оба писателя получили традиционное еврейское воспитание, оба приняли и поддержали социалистические перемены, искренне уверовали в коммунистические идеалы, но оба сохранили и воплотили в своем творчестве дарованное им от рождения культурное наследие, оставаясь социалистическими по форме, они, пусть и в разной степени, были национальны по содержанию, по сути по мировоззрению.

Овсею Дризу и Л.Квитко повезло на переводчиков, их переводили лучшие русские детские поэты - Роман Сеф, Генрих Сапгир, Самуил Маршак, Михаил Светлов, Елена Благинина. Думаю, что каждый перевод - особое произведение - результат сотворчества автора и переводчика, влюбленного в авторский текст. Мастерство переводчика во многом определило

успех стихов у русского читателя и, что не менее важно, внесло еврейскую ноту в русскую детскую литературу, тем самым обогатив ее.

Первые детские книги Л.Квитко появились в конце 20-х гг. В 1928 году вышло 17 книг Квитко для детей. Хотя Квитко писал и для взрослых, славу и признание ему принесли именно детские произведения. В период великих свершений, когда ценилось все значительное, грандиозное, когда искусство стремилось говорить о глобальных проблемах «шершавым языком плаката» творчество Квитко особенно подкупало искренностью, вниманием к мельчайшим жизненным явлениям - к мокнущему под дождем молодому деревцу, к одинокой елочке, гордой тем, что с нее начинается лес, к смелому жуку, убежавшему от лягушки... Даже для стихов «на политические темы» поэт мог подобрать задушевную человеческую интонацию. Именно так - с трогательной непосредственностью - обращается к знаменитому грозному наркому Ворошилову маленький мальчик, мечтающий стать бойцом Красной Армии (*Письмо Ворошилову*). Редкий дар видеть в малом большое и умение делиться своими открытиями с читателями - признаки большого таланта. Творчество Квитко обращено к самым маленьким читателям детям 3-7 лет, его отличает удивительная лиричность, интимность переживаний, что совсем не часто встречается в детской поэзии, отдающей предпочтение игре и занимательности.

Но можно ли найти в стихах Л.Квитко еврейские корни? На первый взгляд стихи Квитко мало отличаются от произведений других советских детских поэтов. Но это лишь первое впечатление. Творчество Квитко, и это отмечалось критиками, отличается удивительным языковым богатством, восходит к устной национальной традиции, к народной еврейской поэзии. Стихи искрятся добрым юмором, полны иронии, и одновременно сочувствия и любви. Творчество Л.Квитко отличает особое трепетно-любственное отношение к ребенку. Поэт любит своих маленьких героев, они для него источник радости и оптимизма - и в этом отражение национальной традиции отношения к детям. В вихре истории исчезли реалии местечкового быта и религиозные обычаи, но душа народа жива, искрится в стихах, придавая им особую прелесть.

По-особому звучит в стихах Квитко и тема родины, родного дома. Для него, еврея, представителя гонимого народа, советская Россия стала воплощением мечты о родине, где все народы равны. Именно ощущение того, что все вокруг принадлежит ему и заставляет поэта с особой нежностью любоваться мельчайшими явлениями и деталями, подобно человеку, который, вернувшись после долгого странствия в собственный дом, перебирает любовно старые семейные вещи.

По иному решается национальная тема у другого замечательного поэта - Овсея Дриза. Первые поэтические сборники Овсея Дриза появились в 30-е годы. Однако его литературная судьба сложилась необычно. В 1934 г. О.Дриз добровольцем ушел в Красную Армию, служил на границе, и в литературу вошел достаточно поздно. Первые взрослые сборники проникнуты романтизмом созидания «нового общества». После войны Овсей Дриз долго не печатался, не такое было время. И вдруг, в 1959 году выходит первый сборник его детских стихов «Веселый пекарь» - в переводе на русский язык. А потом еще и еще. На идише эти стихи были опубликованы немного позднее. Долгие годы поэт хранил эти стихи, и вот они проросли как волшебные зерна и дали удивительные плоды.

Основное в стихах Овсея Дриза - игра, сказка. Его герои - маленькие непоседы, а мир вокруг них - и реальный и волшебный одновременно, в нем возможны любые чудеса. Главные волшебники в стихах - дети, наделенные неиссякаемой фантазией, которая превращает мыльную пену в облака, маленькую коробочку - в волшебное королевство, а жука - в короля!

В стихах Овсея Дриза еврейская тема звучит более откровенно: здесь и сцены из жизни разных поколений еврейской семьи, и пересказы народных легенд. А цикл «Хеломские мудрецы»

возвращает нас в прошлое. Проникнутые ностальгией по ушедшему навсегда миру стихи и рассказы сборника повествуют о нелегкой, но по своему красивой жизни еврейского местечка.

Был когда-то один старый город на свете. Как и во всяком городе, в нем жили свои неудачники. Никогда и ничего им не удавалось.... Но каждое утро они вставали с новой надеждой: а вдруг сегодня счастливый случай постучится к нам в дверь? Однако проходил день-другой - все оставалось по-прежнему.

И вот однажды городской звездочет объявил:

- К нам летят бабочки Надежды. В полдень они опустятся отдохнуть на городскую площадь. И каждый, кто накроет своей шляпой хоть одну бабочку, тот может верить, что его мечта исполнится.

На другой день, лишь только взошло солнце, люди поспешили на городскую площадь. Каждый держал наготове шляпу и смотрел в небо.

И вот наконец вдали показалось легкое цветное облако. Оно остановилось над городом и бабочки стали опускаться вниз: красные, синие, голубые, зеленые. Будто осыпалась радуга.

Ахнули люди от удивления. И тут же вся площадь покрылась шляпами. Стало так тихо, что даже было слышно, как шли по небу облака. Город почти не дышал. Ждали, кто первый приподнимет свою шляпу. Но никто не посмел решиться на это. Ведь если приподнять шляпу - легкая бабочка надежды может улететь! Так и остались шляпы лежать на городской площади...

Я очень люблю свою старую шляпу. Но всякий раз, когда надеваю ее, мне становится чуть-чуть грустно - нет в ней давно утерянной бабочки.

Грустная сказка подводит нас к грустным страницам нашей истории. С конца 30-х годов политика советского государства по отношению к евреям резко меняется. Все национальное начинает рассматриваться как националистическое и вредное. Политические репрессии 30-х, трагедия войны, и оголтелая антиеврейская компания, развернутая Сталиным в послевоенные годы, разбили все иллюзии. Лучшие деятели еврейской культуры были уничтожены. В 1952 году был казнен Лев Квитко.

С горечью следует признать, что никакие политические оттепели последующих лет, никакие государственные обещания не смогли остановить запущенный вновь в стране механизм антисемитизма. Бабочки улетели...

Если до Второй мировой войны евреи в СССР могли чувствовать и чувствовали себя просто «советскими», то пережив Катастрофу и послевоенные массовые репрессии, столкнувшись вновь с бытовым антисемитизмом, изведав горечь отторжения и неприятия, они вновь ощутили себя евреями.

Об этом позднем возвращении к родным корням с горечью писал в 60-е гг. поэт Борис Слуцкий:

*Созреваю или старею -
Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился,
Я-то думал, что я прорвался -
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а зарвался.
Я читаю не слева направо -
По-еврейски: справа налево.*

*Я мечтал про большую славу,
А дождался большого гнева.
Я, ступивший ногою одною
То ли в подданство, то ли в гражданство,
Возвращаюсь в безродье родное,
Возвращаюсь из точки в пространство.*

Всплеск национального самосознания, как реакция на официальные притеснения, с одной стороны вызвал повышенный интерес к национальным истокам, с другой повлек ужесточение официальной антинациональной политики. Тем более на государственном уровне была провозглашена новая грандиозная задача - тотальной денационализации и создания единой общности - советского народа. Это коснулось всех народов, населявших Советский Союз, и именно эта порочная социальная утопия во многом определила последующий крах гигантского многонационального государства.

Еврейская тема на многие десятилетия была загнана в подполье, бытовала лишь в самиздате, в фольклоре, в анекдотах, лишь изредка прорываясь в официальную литературу. Так, отголоски ее можно найти в произведениях русскоязычных авторов (некоторые исследователи называют это русской еврейской литературой): в рассказах и повестях Макса Бременера, Александры Бруштейн, Анатолия Рыбакова. Но юные читатели этих книг лишены уже были наивного неведения маленького Оськи, героя повести Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», который, впервые узнав от старшего брата о существовании национальных различий, и о том, что они - евреи, поинтересовался «А наша кошка - тоже еврей?»

К счастью культура обладает удивительной способностью к самосохранению и возрождению. Еврейская мелодия продолжает звучать в российской культуре, увы, тише чем прежде. Немного грустно, что наметившееся ныне в России возрождение классических еврейских традиций - через еврейские школы, культурные центры, книгоиздание, целиком ориентируется на традиции иврита и оставляет без внимания советскую еврейскую литературу на идише. Надеюсь, что и у этой части культурного наследия найдутся свои исследователи и хранители, а может быть и продолжатели.

Я хотела бы закончить свой доклад еще одной сказкой Овсея Дриза.

Как-то хеломский философ отыскал в древней книге красивую закладку - на ней бисером был вышит прекрасный город, нет это были не Рим и не Лондон - это был родной Хелом! Философ поделился своей удивительной находкой с другими мудрецами: оказывается их городок некогда был бисерным! Какая красота! Но находка эта не принесла мудрецам радости, они почувствовали себя ограбленными у них украли их прекрасный бисерный город! Единственным свидетельством, что пропавший городок существовал, мудрецы посчитали мышонка - ведь у него глаза-бусинки! Видимо воры, не отыскали его в темном чулане.

Две черные мышинные бусинки, неужели это все наше наследие? Или это напоминание нам о том, что прошло время судить и делить. Мой доклад посвящен судьбе еврейской культуры в моей стране, но проблема - шире, и это не «еврейская проблема». Пересечение культур, их взаимовлияние, существование мультикультурного общества, чревато непростыми проблемами. Мы обращаемся к опыту прошлого, чтобы решить проблемы будущего.

Известный советский еврейский поэт Шмуел Халкин (1897-1960) в одном из своих стихов написал:

Мое оконное стекло прозрачно и чисто, сквозь него я вижу весь мир: кто-то плачет, а кто-то смеется. Но если стекло с одной стороны покрыть серебряной краской, даже самой дешевой - земля скроется из виду, а прозрачное стекло станет зеркалом; а даже в самом чистом зеркале можно видеть лишь самого себя.

Давайте чаще смотреть в окно!

Библиография:

Краткая еврейская энциклопедия. Т.2. Иерусалим, Общество по исследованию еврейских общин, 1982.

Краткая литературная энциклопедия. Т.2. Москва, Советская энциклопедия, 1964.

Литературная энциклопедия. Т.4. Москва, Издательство Коммунистической академии, 1930.

Смирнова, Вера *Лев Квитко.* Москва, Детгиз, 1957.

Черта оседлости - до и после Ж *Жизнь и судьба евреев в России.* Москва, Рудомино, 1996.

Cang, Joel *The Silent Millions.* Lnd., Rapp and Whiting, 1969.

Dennen, Leon *Where the Ghetto Ends.* N.Y., Alfred H.King, 1934.

Madison, Charles A. *Yiddish Literature: Its Scope and Major writers.* N.Y., Frederick Ungar Publishing Co., 1968.

Samuel, Maurice *The World of Sholom Aleichem.* N.Y., Vintage books, 1973.